

Я ученица 6 класса Бессмертная Валерия хочу рассказать о своей бабуле Ирине Анатольевне Бессмертной, о её семье, семье Гужковых. Своё повествование я поведу от лица бабушки, от первого лица. Это её воспоминания о детстве без войны

«Я родилась весной 1944 года, а война закончилась только через год, в мае 1945 года. Появилась я на свет в городе Ленинграде, который в течение 900 суток был в блокаде, т.е. был окружен вражескими войсками. И как раз накануне моего появления на свет блокадное кольцо было прорвано и город освобожден от неприятеля, возобновилась связь со страной, а значит - люди перестали голодать.

Папа мой, перенесший на военной службе по обороне города весь ужас блокады, вместе с флотскими частями был направлен на Запад, освобождать Прибалтику. А мама, у которой я была первым ребенком, сама почти девочка, пережившая в трудах и голоде блокаду, осталась со мной на руках одна. Но город был освобожден, увеличились нормы продовольствия по карточкам, и я родилась, как символ жизни и всепобеждающей любви! Как рассказывала мама, кормила она меня грудным молоком, а когда понадобилось давать кашу, она сдавала грудное молоко в детскую поликлинику и ей давали взамен сгущенное молоко, на котором она варила мне кашу.

После окончания войны в конце 1945 года папу, офицера ПВО Балтийского Флота, направили в город Таллинн, куда мы и переехали. Жили мы недалеко от парка Кадриорг, где стоит памятник «Русалка». Я помню, как я играла в песок под окном дома, где мы жили,

а мама смотрела за мной из окна. В Таллинне в январе 1946 года родилась моя сестра Татьяна, и мама, конечно, должна была с нами двумя справляться одна, т.к. бабушек и дедушек у нас после войны уже не было. Родители мамы были раскулачены и погибли, когда маме было 7 лет, отец папы умер от голода в блокаду, а мать умерла молодой в трудное послереволюционное время.

Когда мне было 4 года, а сестре 2, папу перевели служить в Балтийск Калининградской области, т.е. это был 1948 год. Из этого города у меня довольно ясные воспоминания. Я помню небольшой дом, в котором мы жили, сад, где мы играли. В саду стояла немецкая грузовая машина, она не ездила, но очень нравилась как объект игры нам, детям. Однажды я нечаянно дверцей придавила своей младшей сестре пальчик, она долго плакала, я тоже, и мама мне объясняла, что сестричка теперь не сможет хорошо писать в школе. Мне было очень тяжело, но все обошлось, пальчик зажил. Дом

был скромный немецкий особняк для двух семей и имел 2 отдельных входа. Теперь, побывав в Германии, я знаю, что такие дома называют «Wohnhaus», где на первом этаже расположены несколько жилых комнат, кухня, ванна, туалет, а второй этаж находится под крышей, комнаты, обычно спальни, маленькие и потолки со скосами. И непременно в

цокольном этаже дома, который называется в переводе с немецкого «земляной этаж» (Erdgeschoss), располагался подвал, имеющий планировку первого этажа.

Позади дома был большой сад и хозяйственная постройка. Мама там держала несколько кур и петуха, которого мы боялись, так как он был «клевачий». Однажды я видела, как этот петух вскочил на плечи разозлившего его человека и пытался клюнуть в голову. Помню, как пахло в курятнике, какие теплые были куриные яйца, только что снесенные. Меня мама даже послала собрать яйца. Хорошо помню, что однажды мама окунула в бочку с водой квохтавшую курицу, чтобы она перестала квохтать. Это делалось для того, чтобы от стресса курица забыла о своем желании сидеть на яйцах, т.е. высидивать птенцов. Дело в том, что мама говорила, что курица прятала свои яйца в саду под кустами и сидела на них, желая высидеть деток, а нам не надо было цыплят, а надо было иметь яйца, причем не под кустами, а в гнезде, которое было в курятнике. Помню, как ходили мы с мамой за молоком к бабушке Уле, которая оказалась дальней родней моей мамы и у которой была корова.

Многие жители имели домашнюю скотину и кур, снабжение было послевоенное. Мимо нашего дома на улице Подгорной утром и вечером проходили, мыча, коровы на пастбище и обратно в свои коровники. Это не нравилось нашей собаке Джери, который отчаянно лаял и даже вскакивал на свою будку. Зимой умный Джери нас с сестрой катал на санках, в которые его впрягал отец. Санки тоже были немецкие деревянные и большие.

Помню, как был Новогодний праздник и игрушки на елке были необыкновенно красивые и куклу, которую нам подарил сослуживец папы. Говорили, что кукла немецкая, у нее закрывались глаза, личико было фарфоровое и очень красивое. Мама объяснила, что куклу надо беречь, чтобы она не разбилась. На всю жизнь запомнила я эту куклу, как чудо, и

теперь мне интересны игрушки ручной работы, а кукол у меня небольшая коллекция. Музеи игрушек в Германии и в Санкт Петербурге я несколько раз посещала. Несколько елочных игрушек до сих пор я берегу. Это улыбающиеся клоунские головки в смешных колпаках.

Еще помню в Балтийске большой песчаный обрыв, в котором в многочисленных норках жили ласточки. Птицы громко пронзительно кричали, отпугивая детей, которым очень было интересно посмотреть на маленьких птенчиков. Но дотянуться до норок мы не могли, хоть и пытались.

А в 1949 году папу перевели на службу в Калининград. Помню, как с Южного вокзала маме пришлось с нами двумя идти пешком на улицу Энгельса. В каждой руке у мамы было по детской ручке и еще по чемодану. Папа ушел за машиной и долго не возвращался,

поэтому мама решила своим ходом добираться с нами до дома, адрес которого знала. Как она шла по разбитому бомбежкой незнакомому немецкому городу? Предполагаю, что она, пережившая голод, холод, бомбежки, тушившая зажигательные бомбы на крышах Ленинграда, понимала, что надо просто идти с двумя маленькими дочками вперед к

дому. Помню, что развалины, которые лежали по обе стороны нашего пути, меня привели в страх, наверное чувство страха было и у мамы, но она твердо и крепко держала нас за руки и поэтому нам было легче, чем ей.

На улице Энгельса мы жили в доме на 2 семьи с отдельными входами, похожем на дом в Балтийске. Там я не помню сад, а только помню, как мы подолгу стояли в очередях за продуктами вместе с мамой и сестрой. Муку, сахар, макароны продавали по норме, например, полкило в 1 руки. Нас с мамой было трое, а другие люди, которые были без детей, просили нас у мамы для получения продуктов постоять с ними. Мама не разрешала нам это делать, т.к. в свою очередь тогда могла не получить продукты за нас. Эти очереди были долгими и утомительными, так как развешивали продукты непосредственно в присутствии покупателя. Я хорошо помню эти места на улице Энгельса и на проспекте Победы, где провела в очередях с мамой столько часов своего детства.

На Улице Энгельса у нас были соседи, жившие над нами и рядом, тоже флотские семьи. Даже фамилии помню – Глотовы и Богачевы, у которых были двое мальчиков. Общение с соседями помнится как теплое внимание взрослых к нам, детям. Сами взрослые тоже жили дружно и радостно. Папа постоянно был на службе, как и мужчины соседи. Как-то перед новым годом мама купила гуся, привязала его за лапу к столу и давала ему клевать кусочки льда, чтобы он «набрал» жир. Нам с сестрой было страшно, гусь шипел и клевался. Еще помню, как мы катались на санках по тротуару перед домом. Зимы в мои дошкольные годы были снежные и холодные. В доме на улице Энгельса мы жили недолго, потом мы переехали в дом №5 по улице Коломенской. Эта маленькая улица, скорее переулок, соединялась с великолепной в те годы Каштановой аллеей в самом начале, по направлению к речному порту.

С улицей Коломенской, замечательной квартирой, чудесным садом, связаны мои воспоминания детства и юности, так как мы прожили там долго, вплоть до окончания мной института, т. е. до 1965 года. Дом, где нам предоставили 2 большие комнаты и просторную террасу на 1 этаже, был 3-х этажным, был большой подвал, насчитывающий столько же помещений, сколько их было в первом этаже. В цокольной части дома располагался большой гараж на 2 машины, с крыши которого мы прыгали зимой в глубокий снег. Площадь жилого четырех комнат первого этажа была 80 квадратных метров. Две комнаты, расположенные в разных концах коридора, занимали наши соседи - мичман дядя Леша Беляков и его жена тетя Таня. Детей у них не было. В одну маленькую комнату наши соседи пустили пожить молодую семью – Виноградовых: дядю Витю и тетю Тосю. Пустили временно, но жили они долго, там родились их дочери: Галочка, Оленька. Дядя Витя был моряк, он надолго уходил в море на торговых судах, а тетя Тося была добра, заботлива. Она умела хорошо вязать, а дядя Витя привозил ей для вязания красивые нитки. Нельзя было купить в городе ничего подобного! Вот эта пушистая красота запомнилась мне на всю жизнь, и восторг, что моточек ниток может превратиться в прекрасную вещь для ребенка! Тетя Тося научила меня вязать, спасибо ей за это! Мы с мамой и сестрой навещали тетю Тосю в роддоме, который располагался на улице Тенистая аллея, где позже был родильный дом. Тетя Тося показывала нам через окно маленькую девочку, как куклу. Дома мне было

интересно смотреть, как ухаживает тетя Тося за малышкой, я была счастлива, когда мне поручали дать ей соску-пустышку. Все бутылочки, соски и игрушки привозил дядя Витя из-за границы, они были такие красивые! Позже, когда родилась Оленька, мне уже было 12 лет, я с большим желанием помогала тете Тосе, помню даже пеленала ребенка, и гуляла с ней в коляске. Все говорили: «Настоящая нянька!», я была счастлива! Коляски тоже были не у всех, тем более маленьких детей было мало, и нам, девчонкам так хотелось быть похожими на тетю Тосю!

Семья офицера Г.Харитонова с двумя детьми жила на втором этаже, остальные комнаты дома: две на втором, и две на третьем этажах занимали одинокие женщины, из них двое имели детей. Девочек звали Галя и Рита. С Ритой мы учились в одном классе. Фамилия у нее была Кальницкая, была Рита красивая, похожа на артистку Э.Быстрицкую. Галя была старше нас года на три, это она узнала про дом пионеров и хореографический кружок, в который мы потом с сестрой ходили. Следует сказать, что соседи в нашей квартире были вежливые, никаких ссор я не помню, праздники встречали вместе, помогали друг другу. Мама с папой один раз ездили в санаторий в Светлогорск, с нами оставалась тетя Тося. Летом к тете Тане Беяковой приезжала из Ленинграда ее сестра тетя Вера с двумя мальчишками нашего возраста Вовкой и Витькой. Мы с ними играли.

В соседних домах, тоже бывших особняках, жили гражданские люди, многие из них имели коров, кур, кормили поросят, растили овощи на огородах. Мама посылала меня к ним отнести пищевые отходы для свиней. Люди эти приехали из разных мест России и говорили с акцентом: белорусским, украинским. В некоторые игры мы научились играть от детей переселенцев, особенно мне запомнились игры-хороводы. Например, две цепочки детей стояли напротив друг друга, взявшись крест накрест за руки. Одна цепочка, напевая слова: «Бояре, а мы к вам пришли, молодые, а мы к вам пришли», двигались, подпрыгивая, навстречу стоящей на месте другой цепочке. Надо было на эти слова подпрыгивать, поклониться и вернуться на прежнее мест. Вторая цепочка в ответ делала тоже самое, но со словами: «Бояре, вы зачем пришли, молодые, вы зачем пришли?». В ответ первая цепочка: «Бояре, мы невесту выбирать, молодые, мы невесту выбирать!». Много слов, надо было их помнить и потом вокруг выбранной невесты тоже с песнями водили хоровод. Игры детства!! Это и «Казачки – разбойники», «Штандер», «Знамя», «Выбивалы». Мы много бегали по просторным лугам, прыгали через скакалку и в «классики» разных конструкций, играли в прятки, в школу, в балетную школу, где я учила девочек делать движения «у станка», в поликлинику, в магазин и даже в баню, куда мы водили мыться наших кукол.

А еще, после поездки в пионерский лагерь им. Ю. Смирнова в Светлогорске, я организовала на какое-то время ребят выхолить по утрам на зарядку и ходить в походы. Поход состоял в том, что каждый просил у мамы бутерброд, брали с собой одеяло и шли «к мосту» по велосипедной дорожке, которая проходила позади наших домов. Мы шли, весело разглядывая все вокруг, а когда доходили до моста, то делали привал, садились на одеяло и ели бутерброды. Потом немного играли и шли домой. Родители отпускали детей, дорога была безопасна и безлюдна. Мы не боялись, но чувствовали себя самостоятельными, мы должны были вернуться и показаться родителям, которые отпустили нас в поход. По моему, первый поход совершил с нами мой папа. Однако, от описания детских игр вернусь к рассказу о нашем доме и быте его жителей.

Выше 3 этажа был прекрасный чердак, где жители дома сушили белье, а мы, дети, любили пускать из окон чердака бумажных голубей и самолетики. Очень хотелось прыгнуть с

парашютом-зонтиком, но хорошо, что храбрости не хватило. На чердаке мы любили играть в куклы в дождливую погоду. Там был деревянный пол, чисто и нам никто не мешал играть в «дочки-матери». Уборку мест общего пользования: чердака, коридоров, ванной комнаты, кухни, туалета, деревянной лестницы, ведущей на 3 этаж, подвала, проводили по очереди жители дома, был составлен график уборки. Сад тоже убирали вместе.

Стиральных машин не было, стирали вручную, пользовались для замачивания и кипячения белья содой, а для стирки – хозяйственным мылом. Белое белье кипятили, крахмалили, что значительно улучшало внешний вид даже не новых вещей. Но в нашем доме, у немецкой семьи, которая жила там раньше, была прачечная в подвале, и там же была баня. К сожалению, жители нашего дома этим не пользовались, ходили в баню, а когда провели газ и установили газовые колонки для нагрева воды, мылись в ванной комнате, в которой была большая эмалированная ванна, умывальник и унитаз. На 3-ем этаже была небольшая комната изолированная, мама говорила, что она предназначалась для прислуги. Мама также знала от прежних жителей дома, что хозяином дома был немец по профессии зубной врач, и на 1 этаже у него был оснащенный медицинским оборудованием кабинет. В этой комнате жила потом семья Виноградовых.

Что касается газа, то нам с улицы Коломенской хорошо был виден расположенный в порту коксогазовый завод, который впоследствии снабжал газом население. Для проведения газовых магистралей рыли канавы около метра высотой. В одну такую канаву я упала, когда шла с родителями из гостей, крепко прижимая подарок, от которого не отрывала глаз. Это была кукольная игрушечная плита с кастрюлями, поварешками. Я шла и смотрела на эту чудную плиту, и, нырнула в канаву. Родители быстро это заметили и быстро меня невредимую вытащили, я даже не успела испугаться. Плиту из рук я не выпускала.

Котелок для отопления дома тоже находился в подвале, там же был запас угля, который покупали для отопления дома. Во всех комнатах и даже на террасе были большие отопительные батареи. Однако были и замечательные кафельные печи, которыми мы пользовались в сильные морозы и где мама сушила наши мокрые от растаявшего снега штаны. Мы, замерзшие от зимних катаний на санках, грелись у печки, это было так приятно!

На кухне была замечательная плита, которая имела духовку, в которой пекли пироги, сушили грибы и шиповник. Холодильник первый мы приобрели много позже, их по просту не было, как и пылесосов и телевизоров и другой техники. Даже телефоны появились много лет позже. Вернемся к описанию кухни. В кухне была кладовая, которая предназначалась для хранения продуктов – охлаждаемое просто наружным воздухом неотопливаемое помещение с вентиляционным окном. Теперь я понимаю, что оно было расположено с северной стороны дома, а терраса с выходом в сад были расположены с южной стороны. На кухне был интересный удобный стол, столешницей у него была плита из белого мрамора, выдвигаемая часть имела два круглых отверстия для тазов, удобно для мойки и ополаскивания посуды, а также для других работ.

Мама постепенно приобретала посуду, покупала на рынке. Эмалированную форму для выпечки кекса, которой наверное 100лет, я долго берегла и теперь она находится в музее «Фридланские» ворота. По поводу посуды я помню интересную историю, которую рассказала мама. Однажды, когда мама возвращалась домой с рынка, ее окликнули военные, которые рыли траншею. Они были в солдатской форме и говорили по-русски с сильным южным акцентом: «Девочка, ходи сюда, посуда нашла! Купи посуда!». Мама увидела, что они нашли закопанную в земле посуду, многую из которой солдатики разбили лопатами. Несколько целых тарелок, салатниц и вазочку для цветов мама у них купила. Эта посуда до сих пор напоминают мне о незнакомой немецкой семье, в которой они до войны были. Продолжу описание квартиры.

Между нашими двумя комнатами располагались раздвижные двери, которые уходили в стену, превращая пространство комнат в большой зал с прекрасным паркетным полом, который мама натирала специальной мазью и затем щетками его натирали до блеска и можно было весело кататься в воленочках зимой из комнаты в комнату. Эти двери использовали как

занавес, когда в нашей семье собирались друзья родителей и был обязательный концерт, который исполнялся всеми присутствующими. Это было весело и приучало нас, детей, к подготовке и исполнению номеров самодеятельности. До сих пор звучат в моей душе прекрасные песни, которые исполняли взрослые и соло и все вместе, стихи в исполнении отца, соло на гитаре и романсы, которые исполнял Николай Евгеньевич Гончаров и его жена Тамара Васильевна. Были также элементы песенных игр и конечно, танцы под пластинки!

В гараже не стояло ни одной машины, их просто ни у кого не было. Поэтому мы использовали это большое холодное и темное помещение для хранения соленых огурцов и капусты, а яблоки картошку и лук мы хранили в других подвалах, более теплых. Возле гаража наша соседка соорудила навес и сделала сетчатую выгородку, где были цыплята, которые подрастали на наших глазах.

Все жители нашего и соседних домов вынуждены были раскопать под огороды землю рядом с домом, овощи и корнеплоды вырастали отличные, заботливые люди трудились не покладая рук. Навоз был в достатке, не было парников, но томаты и огурцы росли просто в грунте. Люди учились друг у друга агрономии. Очень нравилось мне помогать в хлопотах на огороде, в саду и при посоле огурцов и капусты в больших деревянных бочках. С тех пор я научилась солить огурцы и капусту, а также имею вполне достаточно практических навыков для обработки земли на небольшом дачном участке. Прекрасным развлечением летом для нас было купание в теплой воде, которая стояла в больших металлических бочках на огороде и предназначалась для полива. Мы просили разрешения у мамы и шли купаться в бочках, это было весело! Иногда мама ездила с нами на озеро купаться и

загорать. Озера располагались возле стадиона «Пионер» и по дороге в поселок имени А.Космодемьянского. Там мы учились плавать с помощью приспособления, которое нам сделала мама. Это были 2 резиновых надувных баллона для мячей, которые вставляли в специально сшитые для них чехлы, соединенные корсетом. Корсет или лиф надевался так, чтобы «шары», как мы их называли, были связаны на спине, в районе лопаток, а руки были свободны и можно было грести ими и не бояться утонуть.

Отдельно надо рассказать о чудесном саде, который был вокруг дома. Там росли деревья хорошо подобранных сортов и в единственном экземпляре каждое. Все деревья: яблони нескольких сортов, сливы 3 видов, вишни приносили урожай, который жители дома делили поровну. Нам, детям, в период сбора урожая плодов, разрешалось залезать на деревья, наполненные корзинки мы на веревочке спускали вниз, где взрослые их разгружали. Мы чувствовали себя нужными.

Особенно хочется рассказать о прекрасных цветах, которые были в саду, начиная от подснежников и заканчивая хризантемами. Мама их очень любила и хорошо заботилась о цветах, поэтому наш сад благоухал в любое время весны, лета и ранней осени. Из террасы в сад выходила дверь, можно было выйти в сад прямо из квартиры. Еще было в саду много ягодных кустов, смородины, крыжовника, тоже разных сортов. Видно было, что хозяин этого особняка хорошо знал садоводство, или имел хорошего садовника. Особенно удивительным были деревья, плоды которого были похожи на персики и абрикосы, вкус которых мы узнали впервые. Купить тогда такие фрукты в городе нельзя.

Мы, дети, любили играть в разные игры на бетонированной площадке, ведущей к гаражу под домом. Любили также бегать на «болото», которым мы называли несколько заполненных водой воронок от снарядов. Там весной лягушки метали икру, потом появлялись головастики, и жили тритоны, которых мы ловили сачками для бабочек. Это было очень интересно!

Очень любили мы искать разные красивые стекляшки в развалинах домов поблизости, делали «секретки», где прятали найденные осколки посуды. Самое страшное воспоминание детства- это труп солдата, который лежал в подвале соседнего разбомбленного дома, его можно было увидеть через подвальное окно. Дети, конечно, считали, что это труп фашиста, и тем из нас, кто как-то неподходяще вел себя, старшие дети говорили: «Вот сейчас пойдешь и посмотришь в подвал на фашиста!». Впрочем труп этот вскоре исчез. Из негативных воспоминаний – это страх от известий, что опять зарезали или увели ночью корову из сарая, так как хозяйева плакали и все соседи сопереживали им. Очень жалко было смотреть, как рабочий отбивал со стен церкви прекрасную мозаику с изображением «Бога», как мы говорили. Костел Святого Адальберта на углу Каштановой Аллеи и Проспекта Победы не был разрушен, с него сбили крест и отбили мозаичные картины на религиозные темы, которые были в больших нишах. Дети собирали камушки от мозаики, которые были очень красивые. В здании потом была протезная мастерская.

Помню, как папа однажды брал меня на разбор кирпичей по выходным дням, который проводился силами военных тоже, и на Первомайскую демонстрацию я однажды ходила с папой.(фото) Помню многих соседей, которые все были добрыми к нам, детям, которых было не так много. Наша мама умела хорошо шить, одевала нас сестрой красиво, ткани тогда покупали простые, но красивые и хорошего качества: маркизет, батист, сатин, штапель. Шили и платья для взрослых, наверное нельзя было купить одежду, многие соседки вязали на спицах и крючком, я этому научилась лет в 6-7. Мои подружки тоже

этому учились, можно было купить красивый готовый рисунок и вышивать его. Мама и другие женщины потом окончили курсы кройки и шитья. Швейная машинка в доме – это была необходимая вещь.

Мама стегала красивые ватные одеяла, которые соседка продавала на рынке. В магазинах не было многих необходимых товаров, а переселенцы приехали с минимумом вещей. У нас тоже были железные кровати, а стол, стулья, шкаф и буфет были куплены на рынке и были немецкие. Стол был овальный, раздвижной, с изогнутыми ножками, соединенными внизу перекладинами. Под столом мы любили играть в куклы. Скатерть свисала со всех сторон стола и там под столом получался «домик», нам там казалось очень уютно. Со столом связан был процесс изготовления одеял. Мы с сестрой тоже принимали посильное участие в этом: нам мама поручала «щипать» вату, т.е. вату, купленную в магазине, надо было раздергать на очень мелкие клочки, чтобы она получилась пушистая. Нам это занятие нравилось только на короткое время, но надо было помогать маме. Папу мама просила нарисовать на верхнем полотне рисунок. Он это делал мелом очень красиво. Затем между двумя полотнами ткани ровным слоем распределяли вату, будущее одеяло за 4 угла вдвоем поднимали на раздвинутый стол и мама приступала к работе. Она стегала всю ночь и утром одеяло было готово. Так мама подрабатывала некоторое время, пока был спрос на одеяла. Вернусь от трудовых минут к играм. Любили мы качаться на вишневых деревьях весной, когда цветут вишни, пели песенки и качались, а под деревьями цвели поляны фиолетовых фиалок! Ощущение какого-то невыразимого счастья переполняло наши детские души.

В первый класс я пошла в 1951 году в школу №18 на улице Большой почтовой (ныне улица космонавта А.Леонова), ближе школ не было. Я туда ходила 3 трамвайных остановки или ездила на трамвае. Первую учительницу звали Полина Ивановна, она была строгая, подтянутая, очень выдержанная, никогда не повышала голос, объясняла ясно и просто. Дети ее слушали, в классе было тихо, все трудились. В этой школе окончила 3 класса, была отличницей. После окончания первого класса мои родители вместе с семьей друзей – сослуживцев папы поехали в Светлогорск, мы тогда говорили Раушен. Там мы обедали в ресторане «Шторм», который располагался на берегу моря на деревянном променаде. Мы сидели за большим круглым столом около невысокой сцены, где играл небольшой камерный оркестр и певица, мне тогда казалось, необычайной красоты, пела песню с такими словами: «Милый друг, наконец-то мы вместе, ты плыви наша лодка, плыви, сердцу хочется ласковой встречи и хорошей, большой любви!». Эта картина осталась в моей памяти навсегда, так родители отметили окончание дочерью первого школьного года, спасибо им! Помню впечатление от прекрасного спуска к морю, от потрясающей статуи купальщицы, автором которой, как я узнала уже взрослой, был скульптор Герман Брахерд, который имел мастерскую в Георгиенсвальде (Отрадное). Там сейчас музей этого скульптора.

Когда я училась в 1ом классе, мама отвела меня в Дом пионеров, который располагался на улице П.И.Чайковского. Там я, а затем и моя сестра, стали посещать балетный кружок. Преподавательница -Тамара Васильевна Артамонова выучила классическому и народному танцу народов страны и мира многих и многих девочек и мальчиков города Позже в город приехала другая хореограф – Дебора Абрамовна Бойман, которая вела хореографическую студию во Дворце рыбаков. Мы выступали перед военными в доме офицеров, в парках и домах культуры, выезжали с концертами в воинские части. В доме пионеров была костюмерная, шились костюмы. Много делали родители своими руками. Материалы были простые, но сколько фантазии и мастерства прикладывали мамы, а иногда и папы. Я,

например, не забуду зонтик для китайского танца, который мне сделал папа, а мама купила пуанты в Ленинграде и сшила из розового сатина китайский костюм! В дом пионеров я и моя сестра ходили до 8 класса, все обучение было конечно бесплатно. Ходили часто пешком, потому что трамваи ходили редко. Тротуар вдоль проспекта Победы до кинотеатра «Заря» весной имел зеленую живую крышу из цветущих ароматных лип, особняки вокруг были все различные, в полисадниках росло много красивых растений. Поэтому дорога до дома пионеров не была утомительной, а наоборот, познавательной. Снабжение города продовольствием и товарами для населения было таким, что приходилось в поисках обуви и одежды к учебному году объехать несколько магазинов, часто расположенных далеко. Продовольственные товары продавали на рынке, который располагался на Проспекте Победы, в магазинах возле кинотеатра «Победа» и в порту. Помню, что меня мама посылала за соленой треской, которую варили и ели с картошкой, было очень вкусно! Наша мама, чтобы накормить семью много стряпала, училась у других женщин. Очень вкусна была манная каша с киселем, которую мы ели летом в саду из больших мелких тарелок. А какой вкусный был компот из ревеня! Суп со щавелем! Замечательно пекла мама пироги и пирожные! Многому я научилась в детстве потому, что видела, как это делает мама. Помню соседка тетя Таня любила печь пирог, который назывался «Утопленник». Оказывается его называли так потому, что тесто находилось под водой некоторое время, а когда всплывало, то тесто было готово для выпечки. Но в детстве я сначала очень боялась этого лакомства с таким жутким названием!

После окончания 3 его класса я перешла в школу №14, которую восстановили. Она расположена была недалеко от дома, всего-то пешком одна трамвайная остановка. Там я проучилась 5 лет, многие учителя этой школы навсегда остались в памяти. Это учительница географии Канна Филипповна, учитель немецкого языка Марк Абрамович Финкель. Он был очень добр, мягок. Язык немецкий напоминал еще живую

память о войне, но наш учитель смог объяснить, что знание иностранного языка – это средство для общения и понимания людьми друг друга. Не знаю, может быть под влиянием Абрама Марковича, мы, дети, умея теперь прочесть надписи на надгробиях на кладбище, располагавшемся вдоль улицы Дмитрия Донского, взяли шефство над некоторыми могилками и пропалывали там траву, очищали от листвы. Никто нас не заставлял, но может быть потому, что в городе были только братские могилы солдат, погибших при штурме города, и индивидуальные захоронения не были еще знакомы нам, мы взялись с рвением детей за эту заботу. Трогательные надписи на надгробиях: «Здесь лежит наша любимая бабушка, тетя, дедушка, спи с Богом» – доходили до детских сердец и нам хотелось позаботиться о чистоте и красоте могилки. Тем более, что цветы- многолетники росли независимо от того, что родственники либо погибли, либо выехали в другие места. Очень хорошие воспоминания связаны у меня с библиотекой им. Гайдара, которая располагается и теперь на улице Бородинской в бывшем особняке, удивительно уютном для чтения. Там я очень охотно работала, готовясь к сочинениям по литературе, читала критические статьи, которые на дом не выдавались. Читальный зал располагался в полукруглой террасе, выходящей в сад. Заниматься было как-то радостно, потому, что зелень за окнами, или снег, все равно красиво. Многим библиотекарям женщинам я очень благодарна за счастливые минуты чтения в этой библиотеке! Тогда чтение было большим удовольствием. Родители много читали, выписывали полные собрания сочинений писателей. Кроме того, в этот период папа закончил военную службу, ушел в отставку и поступил заочно в университет искусств в Ленинград. Выполняя задания, отец много рисовал, ездил на этюды, иногда меня брал с собой, учил видеть и делать наброски. А еще мы любили ловить карасей на озере, которое расположено на проспекте Мира, недалеко от дворца рыбаков. Ловил папа, а я снимала их с крючка и сажала в бидон с водой. Потом мы их выпускали дома в большую ванну, которая стояла в саду. На террасе папа устроил свою художественную мастерскую, он работал художником в парке королевы Луизы (парке М.И.Калинина), художественная мастерская располагалась в прекрасном деревянном доме, который был перевезен из лесного места и представлял собой охотничий дом известного преступника Геринга.

Хочется рассказать о красоте памятников, которые я встречала в детстве и которых с годами почти не осталось. В парке королевы Луизы был памятник композитору Францу Шуберту - бюст. Он стоял при входе, а за ним располагалась прекрасная ротонда с бюстом королевы Луизы. Красивые балерины были в сквере у театра, у многих особняков были скульптуры. Многие кладбища, а их в черте города было 19, имели очень запоминающиеся памятники, фамильные склепы. В сочетании с красотой улиц, деревьев и кустарников, удобством тротуаров, все это создавало ощущение гармонии, удобства и радости жизни. Улицы и тротуары были чистые, во время дождя вода быстро утекала в ливневые колодцы с красивыми металлическими крышками.

Последние два школьных года связаны у меня со школой № 21, в которую я и еще несколько человек из нашего 8 класса перешли, чтобы окончить 10 классов, т.к. по новым правилам начался переход некоторых школ на 11 летнее обучение. Благодарна своей маме за мудрое решение, т.к. школа №21, расположенная на ул. Бассейной оказала на меня очень большое влияние.

Школа №21 располагалась в красивом здании бывшей немецкой академии художеств. Дом был трехэтажным, с большими окнами, просторным холлом, большим спортзалом, выходом из холла на прекрасный природный ландшафт, где росли красивые деревья, внизу шумел водопад, рядом было живописное озеро. Мотивов для эскизов бывших учеников

академии художеств было много, а для нас, учеников, просто было приятно находиться в удобном, светлом здании с широкими деревянными лестницами, ведущими из просторного холла на второй этаж. Рядом со школой располагалось здание первого драматического театра города и дом, где жили артисты театра, многих из которых мы любили, ими любовались, о них говорили и сочиняли небылицы. Там играли прекрасные актеры – красавицы: Кира Головки, супруга командующего Краснознаменным Балтийским Флотом, Н. Оболенская, Т.Крыман и др. В нашей школе даже буфет, где мы кушали между уроками, был особенным, говорили, что он снабжался от театра. Необыкновенно вкусны были там дорожные булочки и кефир в маленьких, на стакан, бутылочках.

Учителя в школе были среднего возраста, очень опытные и эрудированные. Математик - Павел Петрович Шатохин – красивый, умный, волевой, с юмором, но строгий. Он был директором школы. Завучем была учитель литературы, звали которую Ия Борисовна, учитель немецкого языка был немец по национальности, семья которого была переселена во времена Екатерины, звали его Борис Николаевич Редингер. Немецкий язык он знал так хорошо, что уроки вел только на немецком, спрашивал то, чего не задавал, двойки ставил, никаких авторитетов, кроме знаний. Я помню, получила свои первые в жизни двойки, учила до поздней ночи, но Учитель требовал говорить на немецком, отвечать, когда спрашивает. После обучения у доброго и мягкого Абрама Марковича, я оказалась двоечницей. Но постепенно положение выправилось до четверки в аттестате. Зато вступительный экзамен в институт я сдала на отлично. Сразу по маминому совету послала телеграмму Б.Н.Редингер: «Спасибо за Ваши двойки!». Учитель физики был молодой Евгений Федорович, мы его звали - Енюша, он преподавал также астрономию. Он показывал нам звездное небо через специальную трубу, для этого мы собирались вечером и нам было весело и романтично в 16 лет. Замечательной была Вера Ивановна, географичка, она организовывала школьную самодеятельность и мне пришлось

танцевать. Учительницей пения была у нас Регина Семеновна Диденко, красивая и талантливая женщина. Она и сейчас известна в нашем городе как хормейстер. Мы пели на русском, немецком языках хоровые песни, с хором было строго, пропускать нельзя. Учителем химии и классным руководителем была Анна Эдуардовна Розэ, она училась у великого химика Зелинского, потом она преподавала в техническом институте. Она играла в волейбол вместе с нами, один раз мы были у нее дома, она играла на пианино, угощала нас пирогами, а когда мы расставались после 10 класса, она каждому подарила книгу со своей подписью. Красивые были люди – наши учителя!!

В нашей школе несколькими годами раньше учился Алексей Леонов – будущий космонавт. По утрам все фойе школы было заполнено учениками, которые делали физзарядку, в школе работал радиоузел. Любили мы кататься на велосипедах по красивым улицам: Кутузова, Нахимова, Бородинской, Каштановой аллеи. Машин было мало, особенно по вечерам. А зимой ходили на каток в парк Калинина и на стадион Балтика. Коньки были хоккейные. После катка приятно было попить чай в кафе, расположенном в здании универмага «Спутник».

А еще – никогда не забуду - к нам, в нашу школу, приезжали композитор А.Н.Пахмутова и поэт Н.Добронравов. Они выступали в актовом зале, который был забит учениками и учителями. Александра Николаевна играла на нашем школьном рояле, а мы все вместе пели: « и снег и ветер, и звезд ночной полет», «надежда» и другие замечательные песни этого композитора, которые мы все знали, любили и поем до сих пор. После концерта все вышли провожать гостей, которых перед школой ждала машина. Мы махали им вслед и было это, будто вчера. А между тем, в этом году 50 лет, как я окончила школу № 21 и получила аттестат зрелости. Почему-то совпало, что весной в этом году меня избрали на должность профессора. Иногда все ученики старших классов направлялись разбирать на кирпичи развалины, сами мы интересовались руинами королевского замка и собора на острове, где находится могила И.Канта. Мы уже хорошо читали немецкие надписи, нам была интересна история города и области. Замок Бальга, он был так мало разрушен тогда. На Руины королевского замка мы ходили и лазили и позже, когда я стала студенткой. Самым примечательным днем для нашего класса был день 12 апреля 1961 года, когда полетел в космос Ю.Гагарин. Многие наши мальчишки под влиянием этого события поступили в авиационные институты, стали работать на космос. Окончен краткий очерк моего детства, началась юность студенческая. Город, его архитектура, красота природы, не смотря на раны войны, оказали, наряду конечно с воспитанием в семье, безусловное влияние на формирование личности детей, которые росли в нем. Красота спасет мир! Профессор кафедры «Технология продуктов питания» Калининградского Государственного Технического Университета, кандидат технических наук, доцент Бессмертная Ирина Анатольевна.

Встреча выпускников, 2015 год

Ирина Анатольевна Бессмертная

